

сти, эмоциональности и поэтическом языке. Как истинный художник слова, прозаик пишет словно акварелью, умело передавая тончайшие движения человеческой души. При этом он мастерски использует всевозможные художественные средства создания произведений.

Роман «Obsessed with dancing» пользуется заслуженной популярностью благодаря тому, что в произведении глубоко и убедительно раскрывается сложная судьба солиста балета. Тепло и проникновенно автор повествует о бескорыстном служении искусству, о преданности балету. Автору удалось создать глубокий и психологически достоверный образ Рудольфа Нуриева.

Литература

1. Рабит Батулла «Бию жене кагылган егет» [Электронный ресурс]. URL: http://batulla.tatar/sites/default/files/scen_nureev_rus.pdf

УДК 82.091

*О. А. Москаленко, С. С. Жуйкова (Севастополь, Россия)
Севастопольский государственный университет*

Мифологема дома в малой прозе К. Исигуро с позиции мультикультурализма (на материале рассказа «A Family Supper»)

В статье рассматриваются особенности мультикультурного аспекта творчества Кадзуо Исигуро на материале рассказа «A Family Supper». Мифологема дома отражает не только привычный конфликт «отцов и детей», но и более сложный цивилизационный конфликт Запада и Востока.

Ключевые слова: мультикультурализм, мифологема дома, британская литература, образ «Чужого», архетип

Кадзуо Исигуро – современный британский писатель, в произведениях которого гармонично сочетаются ноты британской и японской культуры: японское происхождение, взросление и жизнь в культуре Великобритании подарили автору уникальный жизненный опыт и наделили необычным подходом ко многим извечным и универсальным проблемам, в связи с чем творчество К. Исигуро принято относить к литературе мультикультурализма.

Мультикультурализм в литературе, по определению С. П. Толкачева, это «механизм, синкретизирующий различные исторические, культурные и литературные аспекты многослойной жизни современного Запада, при существенном влиянии на него восточной культуры» [1, с. 14]. Я. В. Погребная в статье, посвящённой анализу мультикультурного аспекта в романе К. Исигуро «Погре-

бенный великан», дает следующее определение мультикультурной литературе: это «феномен литературы XX века, понятие, объединяющее творчество англоязычных (преимущественно) писателей, рожденных в бывших британских колониях или странах, находящихся под существенным влиянием Англии или Америки» [2, с. 192].

С одной стороны, характерное для японцев отношение к свободе и долгу, к «своим» и «чужим», влияние синтоизма и буддизма придают определенный восточный колорит произведениям К. Исигуро; с другой стороны, он пишет исключительно на английском языке, его манеру письма и стиль многие критики характеризуют как язык «британского интеллектуала», его тексты полны британским юмором и отражают английский менталитет, а ряд произведений по жанровым характеристикам соотносится с традиционными формами британского романа. Тем не менее японская культура заметно присутствует в произведениях К. Исигуро, проявляясь не столько на уровне декораций, сколько на глубинном уровне внутренних конфликтов персонажей, наполнения мифологием и философии жизни. Например, в произведении «Погребенный великан» (“The Buried Giant”), воссоздавая традиционные для жанра средневекового рыцарского романа сюжетные схемы типа «квест», автор обращается к теме памяти, в том числе культурной, как к неотъемлемой части человеческой идентичности, поднимает важные вопросы функционирования мультикультурных обществ [5].

В центре нашего внимания – рассказ К. Исигуро “A Family Supper” («Семейный ужин»), написанный в 1982 г. В нем на уровне конфликта персонажей очевидно столкновение двух миров: западного и восточного. События рассказа разворачиваются в Японии, в отцовском доме, куда на короткое время возвращаются покинувшие родину сын и дочь. Исигуро намеренно заостряет конфликт: его герои покидают Японию ради США – страны, которая гораздо в меньшей степени, чем Великобритания, ассоциируется с сохранением традиций. Таким образом, с позиций мультикультурализма можно говорить о том, что противостоят две традиции, два мира: мир Востока, с его культом семьи, уважения к старшим, культом ощущения себя частью рода и непонятным для европейцев и американцев кодексом чести, и англосаксонский мир, где на первое место выходит собственный эгоизм, оторванность от памяти поколений. Хотя речь и не идет о Великобритании, в рассказе центральной оказывается мифологема дома, часто встречающаяся в произведениях К. Исигуро и представляющая сугубо британский хронотоп. По мнению О. П. Усенко, это связано с «проблемой идентичности», с которой сталкиваются многие писатели-эмигранты, «ощущающие себя “бездомными”, неустроенными, духовно дезориентированными» [4, с. 146]. Архетипический образ дома, воспринимаемый сознанием как своеобразный «код», понятный вне зависимости от культуры и

национальности реципиента, интеллектуализируется Исигуро в виде внешней мифологемы дома в соответствии с микрокосмом его произведений [3].

Главные герои анализируемого рассказа – это члены одной семьи, которые спустя годы разлуки и разногласий собираются в родительском доме. На первый план выходит тема отчуждения, вырастающая не столько из конфликта отцов и детей, сколько из конфликта культур и традиций. Сын возвращается домой через два года после похорон матери. Словами отца автор намекает на странные причины смерти матери: “It's my belief that your mother's death was no accident. She had many worries. And some disappointments” [6, с. 6] – возможно, она так и не смогла простить сыну отъезд, выбор им другого образа жизни, нежелание вести дела с отцом. Исигуро ни о чем не говорит прямо: он дает читателю лишь намеки, предлагая самому выбирать, в парадигме какой культуры должен закончиться рассказ.

Восток представляет причудливую линию убийств и самоубийств: возможно, по небрежности отравилась рыбой фугу мать, совершил самоубийство и убил семью партнер отца по бизнесу, а вот и сам отец подает на стол «просто рыбу» (“just fish”), которая вполне может оказаться той самой неаккуратно почищенной смертельно ядовитой фугу, тем более что и на вопрос, одобряет ли отец поступок своего разорившегося партнера, ответ он дает уклончивый.

Запад же представлен в лице молодых, живущих другими ценностями детей: они упорно не хотят замечать намеки и полутона, они далеки от своих корней и культуры. Единственным звеном, связывающим их с домом, выступает старый колодец, в котором детьми они видели призрака. С точки зрения символизма, колодец – пространство перехода, принадлежащее как миру живых, так и миру мертвых, и в силу этого – инициатическое пространство, связываемое со взрослением, постижением смыслов. Интересно, что у Х. Мураками, самого «западного» японского писателя, колодцы появляются практически в любом произведении: погружение в колодец помогает через одиночество, воображаемое умирание познать себя, правду жизни. В коротком рассказе Исигуро колодец упоминается десять раз: сначала он попадает героям на прогулке по саду, они заглядывают в него, боятся упасть, а потом вдруг отказываются от детских воспоминаний – главный герой утверждает, что на самом деле никогда не видел в колодце призрака. В финале рассказа исчезает и сам колодец: “The well was no longer visible” [6, с. 9]. Исчезновение целого элемента из мифопространства дома знаменует окончательное отторжение молодых брата и сестры, их выбор: да, они еще уклончиво отвечают отцу, что, возможно, останутся в Японии, в доме, в семье, но на самом деле давно сделали выбор.

В рассказе “A Family Supper” каждый одинок по-своему. Рассказчик, несколько лет назад покидая дом, уже не чувствовал с ним связи, оставляя лишь пустоту, оболочку: “I didn't leave behind much. Just some empty rooms” [6, с. 7].

Одинок отец главного героя, который не только пережил смерть жены, но и практически потерял связь со своими детьми. Брат с сестрой напряжены в его присутствии, не знают, как себя вести, и данный факт подтверждается невербальными знаками, которые мы можем наблюдать со стороны Кикико (Kikuko): “...she did nothing but giggle nervously” [6, с. 2]. Диалоги между членами семьи непродолжительны, и в них отсутствует чувство семейного взаимопонимания: “...the conversation had become even sparser than prior to Kikuko's arrival” [6, с. 2]. Но одиночество главных героев выражается не только в диалогах, стесненном поведении, в странных поступках. Одно из основных средств – это воссоздание особой атмосферы дома.

Дом становится негласным главным героем рассказа, своеобразным мифопространством с особым хронотопом. Поиск места, похожего на родительский дом, является целью многих героев К. Исигуро, обстановка дома может отражать не только внутренние переживания персонажей, но и этап их духовного развития, жизненного пути или карьерного роста. В то время как в рассказе «Семейный ужин» почти не уделяется внимания описанию персонажей, описанию дома посвящён целый абзац. Оттуда мы узнаем, что это был большой дом с огромным количеством пустых комнат: “I had forgotten how large the house was. A panel would slide open and another room would appear. But the rooms were all startlingly empty” [6, с. 6]. В единственной комнате, которая была обжита и обставлена вещами, жил отец главного героя, что показывает уровень его одиночества и тоски. Там он проводил свои дни, собирая макеты судов, словно покинутый всеми ребенок. Помимо этого мы можем наблюдать и смену традиционных ролей, поскольку по причине смерти жены отцу приходится самому заниматься домашними делами, чем он недоволен: в ответ на иронию Кикико (“Father's become quite a chef since he's had to manage on his own” [6, с. 5]) он холодно отвечает, что не слишком горд своим новым навыком. Снова переплетаются восточные полунамеки и западный реализм: нарушение традиционных ролей (мужчина, не зарабатывающий деньги, занимающийся женскими делами) может в буквальном смысле привести к фатальным последствиям, нарушить привычный ход жизни.

Еще одной из затронутых автором проблем, связанных с семьей, являются традиционные гендерные роли в семье и их постепенное устаревание. Отец рассказчика не только олицетворяет типичного трудолюбивого, мужественного и самоотверженного японского отца, но также пытается навязать гендерные роли детям с помощью своего родительского влияния. Например, он поощряет свою дочь Кикико взять на себя роль «хранительницы очага» после смерти матери. Данный факт подтверждается на уровне сюжета, ведь мы постоянно наблюдаем за попытками отца вернуть дочь в отчий дом и за одобрением с его стороны, только когда Кикико выполняет традиционно женские обязанности:

приготовить ужин, накрыть на стол, поухаживать за мужчинами, заварить и принести чай. Автор использует такое средство выразительности, как лексический повтор, чтобы подчеркнуть, насколько важность гендерных ролей укоренилась в сознании и отца, и всего общества. Каждый раз, когда дочь подчиняется воле отца и делает по дому то, чего ожидают от женщин, отец говорит: “She’s a good girl” [6, с. 5, 9] – при этом он не хвалит ее за успехи в учебе или за самостоятельность, не спрашивает о планах на будущее. Особенно разница в отношении отца к дочери и сыну очевидна на уровне диалогов. В то время как на протяжении всего рассказа отец с сыном ведут хотя и довольно напряженную и неловкую, но беседу, единственные фразы отца, адресованные дочери, являются, по сути, просьбами: “Kikuko will look after you”, “Kikuko, come here and help”, “Prepare a pot of tea, please” [6, с. 2, 5, 8].

Исигуро будто играет с нами, предлагает самим выбрать, какой мир – Востока или Запада – нам ближе, и сделать это на примере отношения японцев к самоубийству. Партнер отца, господин Ватанабэ, действует в японской традиции, руководствуясь строгими принципами, желанием сохранить лицо и невозможностью жить с чувством позора, что является отличительными качествами многих японцев: “He didn't wish to live with the disgrace” [6, с. 2]; при описании господина Ватанабэ автор использует лексический повтор для усиления образа: “...a man of principle” [6, с. 2]. У способа, который Ватанабэ выбрал для того, чтобы уйти из жизни, а именно «сеппуку», корни уходят глубоко в историю Японии, когда самураи в Средние века так очищали свою репутацию и смывали позор со своего рода. Помимо этого о теме самоубийства упоминает и отец главного героя в своем рассказе о войне. Тут автор использует эвфемизм “the final weapon” [6, с. 6], еще раз подчеркивая отношение японцев к самоубийству как к одному из возможных выходов из сложной ситуации.

Анализируя поведение отца главного героя, мы также можем обнаружить одну из особенностей японского менталитета – деление людей на «своих» и «чужих», а также негативное отношение к «чужим». Так, главный герой, отмечая схожесть между своими отцом и бывшим премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлай, говорит, что отец был бы не рад такому сравнению, поскольку Чжоу не только «чужак», но и «враг», и наличие сходства между ними оскорбляет его как «самурая». Мы также можем наблюдать пренебрежительное отношение к иностранцам в следующих фразах: “Dealing with foreigners. Doing things their way. I don't understand how we've come to this” [6, с. 2].

Из этой довольно сложной темы вытекает еще одна – тема долга и традиций. Ведь именно на примере отношения главных героев к данной ситуации мы можем сказать, что Япония, хотя она и является страной, глубоко почитающей свою многовековую историю, претерпевает изменения и постепенно уходит от некоторых традиций.

Финал рассказа формально открыт: автор не говорит прямо, останутся ли герои дома. При этом именно мифологема дома позволяет нам понять, что разрыв с семьей, с традицией, со своей культурой является для молодого поколения японцев окончательным: они отказываются «пить» из колодца, который служил источником семейных преданий, не узнают на фото мать, которая слилась с чернотой, превратилась в призрак, не понимают отца, видят только поверхностные, «западные» смыслы происходящего, а дом для них ассоциируется с пустотой. Исигуро не морализирует, не утверждает, что это плохо, а скорее показывает нам неминуемый ход вещей, разницу двух культур и двух миров, выраженную в конфликте двух поколений. Настораживает только намек на фатальность такого хода вещей.

Литература

1. Гасанова Н. К. К определению концепта «мультикультурализм» // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 1. С. 10–16.
2. Погребная Я. В. Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»: европейский интертекст и японский подтекст // Артикульт. 2018. № 4(32). С. 191–199.
3. Москаленко О. А. Теоретические аспекты понятий «архетип», «мифологема», «архетипный образ» // Гуманитарно-педагогическое образование. 2017. Т. 3. № 3. С. 152–159.
4. Усенко О. Мифологема дома в творчестве Кадзуо Исигуро // Вісник Дніпропетровського університету ім. А. Нобеля. Сер.: Філологічні науки. 2012. № 1(3). С. 146–149.
5. Bukowska J. Kazuo Ishiguro's *Buried Giant* as a Contemporary Revision of Medieval Tropes [Electronic resource] // Mydla J., Poks M., Drong L. (eds). *Multiculturalism, Multilingualism and the Self: Literature and Culture Studies. Second Language Learning and Teaching*. Springer, Cham., 2017. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-61049-8_3
6. Ishiguro K. A Family Supper [Electronic resource]. URL: https://magicbarrel.files.wordpress.com/2010/12/family-supper_ishiguro.pdf

УДК 13.11.44

*T. N. Persikova (Moscow, Russia)
Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry*

Intercultural Communication: Interaction Between National and Corporate Cultures

В статье рассматривается взаимодействие между национальной и корпоративной культурой. Автором охарактеризованы различные подходы к умению справляться с культурным разнообразием, отмечаются некоторые неожиданные тенденции во взаимодействии